

Потеря

Вчера прочел интервью с Бэла Тарром, где тот сообщил, что никакой богооставленности не ощущает, ибо знает, что Бога нет и что всё, что остается человеку, это медленно и неотвратно умирать, катиться в пустую бездну. Красивый, рано постаревший мужчина, очень уставший, в том числе, вероятно, и от безнадежности философских и художественных усилий. И в самом деле, если думать, что Создатель никогда не существовал, то какая же возможна цельность во всем этом энтропийном хаосе? Осыпь, постоянная осыпь. Под впечатлением этого интервью бродил вчера по улицам, всматривался в усталые, отрешенные друг от друга, словно бы стыдящиеся этого позорящего их знания лица. И ведь в Тарре совсем нет цинизма, он выглядит (и сквозь свое кино тоже) искренне страдающим, благородным, талантливым человеком. Атеистом. Но ловушка жизни его подавляет, загоняет в нескончаемые сумерки. Всё то же самое я читал на лицах прохожих, посетителей магазинов. Пришло внезапное чувство: если не все они, то большинство – из мира Тарра. Но каким же адом должна быть для них жизнь, каждый вязкий бессмысленный, сугубо функциональный день. Проклятьем стала сама эта жизнь, лишенная хозяина, опеки, прикрытия, осмысляющего взора, смысловой структуры, вписанности в большое время. Существование, растертое по плоскости каменных стен и по обманной вертикали дождей.

Задумался о том, как могло случиться такое, что умный здравый человек, отнюдь не пустой тщеславец, заболел атеизмом. Как это вообще возможно: представить бесхозным этот колоссальный, тончайшим образом сбалансированный, наполненный несметными чудесами Универсум? Если мы, словно бы взявшиеся из ниоткуда, столь маленькие и глупые, все же обладаем сознанием и чувством времени, то как же может не существовать более мощное сознание и, значит, и бесконечно более мощное, раз мы пребываем в бесконечном континууме? Если кто-то говорит, что универсум возник из ниоткуда, значит для него Ниоткуда и есть имя Создателя. Это, так сказать, логические посылки, посылки здравого крестьянского смысла. Далее следуют вполне законные вопрошания о контакте. Почему нет контакта с этим более высоким, мощным сознанием, почему нет сигналов от бесконечно более мощного Сознания? Но кто сказал, что их нет? Есть документированные истории: Жанна из пятнадцатого века, Сведенборг из века 17/18. Почитаем дневники многих и многих живших: сколько там таких свидетельств на гораздо более простом, не патетическом уровне, свидетельств, отнюдь не претендующих на их тиражирование. Сакральное свидетельствует о себе на уровне безмолвия, тишины, на языке каждого нашего касания к мимолетно божественному веществу, в котором бьется сердце сверхъестественного.

Бог может казаться проекцией той энергетическо-генетической матрицы, с которой “печатаются” человеческие особи. Но что может нам реально дать “техническая” сторона вопроса? Поиски некоего объективного Бога, общего для всех есть примитивный материализм, ставший жертвой двоичной системы нашего интеллекта. “Бог” существует лишь в измерении субъективно-этической экзистенции, он открывается лишь внутреннему оку. Он исключительно персонален, он глубоко интимен в смысле этического эроса, являющегося центром того семени, что стало твоей причиной. В известном смысле он скроен под тебя, под меру твоего сознания, восприимчивости и кармической зрелости. Бог твой и исключительно твой и ничей иной. Он плод твоей внутренней духовно-этической одиссеи. Вне твоего страстного участия в этой одиссее его нет. (Сколько иронии во фразе: не ищи, приходи в храм, получишь Его в готовом виде, перевязанным красивой ленточкой). Как нет ни отдельно внешнего, ни отдельно внутреннего мира, так и нет Его сугубо внешнего или сугубо внутреннего. Разумеется, Бог и существует и не существует одновременно. Он не представлен как вещь – в статике и данности. Он непрерывно ускользаем, ибо мы непрерывно его утрачиваем, предаем, деградируя в изоляцию себя от Целого. В известном смысле, Бога мы касаемся в

предельных точках своей душевной чуткости и хрупкости. Мы постоянно его догоняем, он ускользает и мерцает, как искры и всполохи. Он манит нас, ничуть не потрафляя нашему желанию стать брутализованными и самооболваненными. Тот же Бэла Тарр: «Человечество само ведет себя к гибели, избрав деньги за высшую ценность и критерий». Какой Бог может открыться сознанию, озабоченному деньгами и успехом на торжищах пошлости мирской? Бог есть энергия/измерение (внутри нас, причастных к Целому) столь этически утонченного состава, что мы его в современной порнократической лжереальности можем ощущать только тогда, когда еще не предали его в себе. Сказочка христианских священников о том, что, де, грязные разбойники и душегубы, устав от мерзостей, очень даже могут прийти в церковь, где Бог с великой радостью их простит, рассчитана на уж слишком размягченные мозги. Каждый может проследить по своей жизни, как рвутся внутри души самые тонкие и бытийные нити, сколь безвозвратно уходит способность отклика. Одно из древних наблюдений посвященных заключается в том, что именно целомудрие/невинность есть основание софийности. Порушенная невинность (а порушается она всегда нами) не может быть восстановлена, в лучшем случае она может быть отмаливаема. Однако никому не известны примеры возврата преданной софийности. (И уж во всяком случае типовых путей здесь не существует).

Стадный человек, разумеется, не может общаться с Богом. Но ведь Бэл Тарр – не стадный человек. Что же и когда умерло в нем? Когда? В маленьком мальчике или в подростке, или еще позже, порвались эти тончайшие нити? Здесь, конечно, всегда отдельная экзистенциальная тайна. Вспоминается Сёрен, отец которого в возрасте восьми (кажется, может, чуть старше) лет, изнуренный одиноким пастушеством (овцы), однажды вслух, громко-громко проклял Бога. Под этим прессом он проживал потом свою взрослую судьбу, перешедшую частично к сыну. Прежний человек, человек прежней эпохи был очень внимателен к своей греховности. Ныне прежнего человека просто нет. Он умер, мы его убили, ибо каждый с величайшей легкостью и легкомыслием убивает в себе Бога. Бог не умирал и не умер, но целые поколения убивают в себе Бога, однако за убийство всегда ответственна конкретная персона. Классический человек, описанный классическим искусством и психологией, умер. На поверхность Шара выползло совсем иное существо, о котором ни Льву Толстому, ни Киркегору, ни кому-либо иному из этого ряда сказать попросту нечего. Об этом новом существе пытался сказать Бэла Тарр. <...>

9 февраля 2012